

Владимир Андерсон

ГОЛОВА ГОЛОВ

серия "Коза Ностра"

Владимир Андерсон

Голова голов

Серия «Коза Ностра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257166

SelfPub; 2024

Аннотация

Фабио Сальтаформаджо, известный капореджиме итальянской мафии Коза Ностра, теряет своих родителей. Они умирают своей смертью, но он с горечью осознает, что ничего не знает об их прошлом. Обратившись за помощью к своему старому учителю, он начинает копаться в самых затаенных уголках своей души, в своем детстве. Проблемы оказываются зарыты куда глубже, чем ожидалось...*** Возможно ли разрешить свои внутренние проблемы, когда они уже стали неотъемлемой частью самого себя? И как с этим справиться тому, кто обладает деньгами и властью?

Содержание

Учитель	4
Капореджиме	18
Пелагатти	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Андерсон

Голова голов

Учитель

Адриано Инганнаморте (фамилия означает «обманувший смерть» – примечание автора) был учителем истории. И за свою жизнь он обучил тысячи мальчиков и девочек как можно смотреть на прошлое, как можно смотреть на настоящее и, что самое главное, что всё это будет стоять для них в будущем. Он учил смотреть на вещи не такими, какими их хотят изобразить, а такими, какие они есть по своей сути. Потому дон Адриано проработал всю свою жизнь на одном и том же месте – для себя он тоже прекрасно знал, какие слова и сколько будут стоять ему в будущем.

Сейчас ему было девяносто два года, и всё, что он делал теперь, так это гулял, играл с прохожими в шахматы в местном парке и раз в неделю проводил день в одном кафе под названием «Среда». Это было не самое знаковое кафе Сиракуз, и уж точно не самое знаковое на всей Сицилии, но оно напоминало ему о тех вещах, которые он стремился держать у себя в голове каждый день.

Хозяин кафе Амадео Кваттроки (фамилия означает «четыре глаза» – примечание автора) был не то, чтобы ему дол-

жен. Он был бессмертно благодарен ему. У них не очень привлекательно выглядело быть должным кому-то, даже если речь идёт о чём-то моральном. Это смотрелось людям в тягость. А вот быть благодарным за что-то можно было и целую вечность, поэтому Амадео был бессмертно благодарен дону Адриано и давал возможность обслуживаться ему за счёт заведения, сколько тому будет угодно.

Но старый учитель истории заходил лишь один день в неделю. Всегда это была среда. Он всегда приходил к полудню и уходил к 4 вечера, пообедав и выпить несколько чашек чуть крепкого кофе.

В эту среду он, как всегда, был в кафе. Слабый свет кругом. Клетчатые красно-белые скатерти на маленьких круглых столах. И ещё меньших размеров настольные лампы на каждом столе. Их включали только тогда, когда столик был занят. Все лампы, кроме той, за столиком которой сидел дон Адриано – эта лампа была включена всё время, что было открыто кафе.

Пицца с грибами. Он очень любил пиццу с грибами и сейчас, съев её, дон Адриано запивал её колой. Когда-то ему казалось странным, что итальянцы могут запивать свою еду колой, но со временем это прижилось лучше, чем что-либо другое. Потому что и по вкусу и даже по цвету кола подходила лучше всего. А итальянцы никогда не могут спорить с тем, что подходит лучше всего, даже если это выглядит странно.

К столику подсел высокий мужчина с начищенными до

блеска туфлями, аккуратно подогнанным по размеру костюме-тройке. Ему не надо было представляться – это был Фабио Сальтаформаджо (фамилия означает «прыгающий сыр» – примечание автора), один из капо Коза Ностры в Си-ракузах. Его выражение лица никогда ни о чём не говорило, кроме того, что он очень внимателен. Он внимателен к тому, что кто-то делает, говорит или даже слушает. Внимателен ко всему, к чему только применимо это слово.

– Здравствуйте, дон Адриано. – присев на стул, Фабио слегка кивнул головой и положил свою шляпу на стол. Теперь, когда его глаза освещала настольная лампа, было видно, что они печальны.

– Здравствуй, Фабио... Чтобы не тратить наше драгоценное время, скажи мне сразу, не пришёл ли ты убить меня?

– Если бы я не знал Вас, дон Адриано, то счёл бы за дерзость такой вопрос... Но уже сорок лет я знаю, как Вы любите провокации.

Дон Адриано улыбнулся. Он хорошо помнил этого человека, когда-то учившегося у него. Поначалу история как предмет его не очень интересовала, но с того момента, как события дошли до Юлия Цезаря, всё изменилось, и важнее предмета для него не было. С того урока, он ни разу не пропустил ни одного занятия. Ему хотелось знать всё о том, как только можно стать таким. Умным и могущественным. А потому его стали интересовать все исторические персонажи. Были ли они или нет похожими на Цезаря, но во всех он пы-

тался найти черты, положительные или отрицательные, которые бы дали ответ на то, как найти нечто похожее в себе.

– Да, Фабио. Всё течёт, всё меняется. А люди остаются прежними... И я всё ещё провокатор. – он улыбнулся. Что бы кто ни говорил, а он всегда был рад видеть одного из влиятельнейших людей в организации, известной под названием «Коза Ностра».

– Я пришёл к Вам за помощью, дон Адриано... И в чём бы она ни выразилась, для меня будет честью принять её. – глаза Фабио смотрели как обычно ровно, почти не моргая и совсем не отводя взгляд.

– Ты кого-то потерял? Твои слова не выдают это, но это выдают твои глаза... Кого ты потерял, Фабио?

– Родителей. Обоих... Вы знаете их, дон Адриано. Они уже не молодые. И всем было ясно, что скоро придёт и их время... Месяц назад умерла моя мать. Отёк мозга... А мой отец прожил после неё чуть больше недели, и умер от инфаркта... Это можно назвать и смертью от старости. Но... Когда их не стало рядом, то я осознал, что ничего не знал... абсолютно ничего не знал об их прошлом. Кем были их родители, которых я никогда не видел. Чем они занимались. Как их звали хотя бы... Я даже этого не знаю... Дон Адриано, Вы знаете, чем я занимаюсь... Я занимаюсь этим ещё с подросткового возраста. У меня есть Семья... Но стоило умереть моим родителям, как я понял, что у меня были ещё и они... Да, я всегда решал их вопросы. Никто не мог сказать,

что у них есть хотя бы один нерешённый вопрос... Но я ничего не знал про их прошлое. И то прошлое, которое было до них... И я стал копать. Сильно копать. Я привлёк своих людей, чтоб и они копали. Всё, что только смогут найти... И ничего. Ничего про них нет. Никто не знал ни их родителей, ни даже их имён... Как такое возможно, дон Адриано? Как возможно, чтобы никто не знал даже имён?

– Забывается всё, что не записано... Как бы люди ни старались помнить, но только записанное будет жить дальше. И такое-то может умереть без проблем. Но если что-то держится только в умах людей... – дон Адриано развёл руками. – То здесь уж дело техники... Ты понимаешь про какую технику я говорю?

По его лицу было хорошо видно, что он отлично понимает то, насколько быстро люди забывают то, что неудобно помнить. Именно неудобно, а не что-то другое. Все вечно делают вид, что будут помнить хорошее. Что будут забывать плохое. А в реальности все будут помнить только то, что им удобно.

– Ещё как... Мне самому хорошо знакомо, насколько трудно помнить то доброе, что тебе когда-то сделали бескорыстно... Оно становится настолько лёгким, что так и норovit выпорхнуть из ума как воробей из рук... Когда-то Вы говорили мне, что для того, чтобы сохранять память нужно мужество... Тогда я совсем не понял эти слова. И продолжал не понимать, пока дело не дошло до меня самого... Мне как-то пришлось изменить своё решение на основании того,

что некогда со мной самим поступили справедливо. И хоть для меня это было тяжело, мне пришлось поступить также в ответ. Справедливо. Хоть это было очень невыгодно на тот момент... Да, чтобы сохранять память ещё как нужно мужество...

– Ты всё также интересуешься Юлием Цезарем, как и раньше?

– Да, конечно... А почему Вы сейчас спросили про него?

– Ты раньше очень хотел быть похожим на него. Очень хотел быть во всём как он. Потому ты так полюбил историю... И что теперь думаешь? Ты стал похож на него уж если не по достижениям, то по сути?

– В чём-то да. Он умел действовать нестандартно. И я могу так действовать. Он придумывал новое и внедрял это. И я делаю тоже самое. Он умел договариваться с врагами. И я умею договариваться врагами... И он хотел стать первым и стал. Но это мне не видать. Я давно знаю, что мне этого не видать, потому что во мне чего-то не хватает, что было в нём, и, видимо, мне не суждено это понять...

Фабио будучи ещё молодым часто обращался за советом к своему учителю. Он обрисовывал ситуации, поведения людей, не называя ни имён, ни конкретных объектов. Он не мог рассказывать больше, чем рассказывал. Он лишь хотел получить совет от мудрого человека. И получал его... Со временем этих советов стало всё больше, и он уже не мог обходиться без своего учителя истории, который всегда приво-

дил ему примеры, рассказывал про то, как подобные вещи складывались у великих людей много лет назад, раскрывал правила, по которым люди взаимодействуют друг с другом... И однажды Фабио раскрыл ему своё самое сокровенное желание – он признался, что больше всего хочет стать капо ди тутти капи, самым главным в Коза Ностре, так же как когда-то Юлий Цезарь стал главнейшим в Римской Империи.

– Может быть, ты просто думал всё время над тем, что есть у него, а нет у тебя... А надо было ещё посмотреть на то, что есть у тебя, и что потерял он. Или отказался, например... Про такое ты ведь не думал?

– Не думал. Вы правы...

– Римская Республика того времени – это сплетение влияния разных фракций. Эти фракции были представлены в Сенате, и этот орган являлся основой всей римской государственности... К тому моменту, как Цезарь начал захватывать власть, никто уже не помнил те времена, когда Сенат представлял из себя что-то другое. Он всегда был главным. Это «всегда» означает, что несколько поколений успели переродиться и таким образом не было уже никого в живых, кто своими глазами мог помнить другие правила. Мир для всех людей был таким, каким люди его видели с рождения, и их родители ничему другому их не учили... Вот эта система, целиком выстроенная на борьбе за власти в Сенате, была родной для римлян. Любой, кто отрицал её, мог считаться или изменником или иностранцем... Вот теперь скажи мне, ка-

кие правила Цезарь успел нарушить, прежде чем стать диктатором?

– Я понял, к чему Вы клоните... Он изо всех сил делал так, чтобы ему подчинялся Сенат, а не наоборот. Пытался изменить устройство вещей, которое к тому моменту давно работало...

– Да, всё верно... Его назначили диктатором, потом переназначили диктатором, а потом пошли разговоры о том, что даже переназначать не понадобится... Понимаешь, да, в чём разница. Он хотел сделать так, чтобы его власть была абсолютной не только фактически, но и на бумаге. Ты же помнишь, что означает для римлянина его слово?

Фабио буквально сверкнул глазами. До него начали доходить искорки правды. Той правды, в которую он не до конца хотел верить. Или обходил стороной.

– Да, Вы правы, учитель... Я правда не похож на Юлия Цезаря... – Фабио даже немного усмехнулся. – Всё время вспоминаю то, что Вы говорили про Овидия. Когда он приехал в Грецию и общался со своим знакомым про то, как устроены долги. Про то, что в Риме деньги дают в долг под честное слово, и это работает. А в Греции и с долговыми расписками люди умудряются не платить... Да, слово для римлянина означает его жизнь...

– Да, всё верно... Не то, чтоб уж всех кругом такие честные, но велика ценность договора. То, о чём люди договорились друг с другом... Одно дело – Цезарь узурпировал

власть и заставляет, следуя текущим законам переизбирать его. И совсем другое – когда он заставляет всех признавать, что он всё это делает правильно, по закону... Закон – это нечто большее, чем просто жизнь, в которой все живут. Это то, что является основой этой жизни... И ты можешь хорошо увидеть, что, например, Сенат ни один император не посмел ликвидировать. Есть император, который по закону является принципом, то есть первым среди равных, а есть сенаторы, которые по закону равны ему, хоть и не являются первыми. И это всё при абсолютной власти самого императора... А ты, мой дорогой Фабио, уж как бы ни хотел быть самым главным, никогда не посмеешь как Юлий Цезарь нарушать какие-то древние правила.

Дон Адриано опустил свои глаза в чашку с кофе и стал аккуратно размешивать сахар. Рука его выглядела старой, костлявой как коряга на высохшем дереве, но двигалась при этом достаточно плавно. Он много раз про себя думал, что пока он в состоянии размешивать сахар в чашке, он осознаёт, что никакая болезнь его ещё не поразила настолько, чтоб кто-то мог сказать, что Адриано Инганнаморте сошёл с ума... Дон Адриано не боялся подобной болезни, потому что знал, что пока он занимается историей, его разум будет способен мыслить свободно. И хотя с каждым днём всё труднее становилось сохранять это состояние, он смотрел на ту жизнь, что его окружает, на политиков, которых видел в новостях, и оценивал всё по-прежнему с позиции историка.

– По крайней мере, я понял причину, по которой люди не помнят имён моих прародителей. И, видимо, по той же самой причине они не помнят их дела. Раз уж они все не помнят, то у того есть единая причина... Но это я не могу оставить после себя. Вы помните, у меня есть сын. Чезаре...

– Помню. Он учится в Московской консерватории имени Чайковского на пианиста... Ты тогда говорил, что это лучшее высшее учебное заведение, которое есть в Европе. Что ему придётся при этом учить русский язык, который сейчас не очень нужен в Европе. Который, можно сказать, иногда запрещают в Европе... Но в Москве лучшее место, где учат музыке, а значит придётся учить русский... Так ты сказал тогда...

– Да. Именно так я и сказал. Слово в слово... Ваша память иногда удивляет меня, дон Адриано... Хотел бы и я иметь такую память в Вашем возрасте.

– Это как мускулы. Любое наше свойство сродни мускулам. Живёт, пока ты его тренируешь... Будешь тренировать – сохранишь... Ведь это знание ты тоже можешь передать своему сыну. Думаешь, он откажется от такого знания?

– Он умнее меня, дон Адриано. Мне нечему его учить... Я бы даже сказал, лишь бы мне чем-то не испортить... Но я хотел оставить память. Память о своих родителях и их родителях. Хотя бы ему... А мне и оставить-то нечего...

Адриано слегка рассмеялся. И улыбался при этом он совсем чуть-чуть, и смех его был больше похож на кряхтение,

чем на что-то живое. Но было видно, что он рад, что ему ещё есть, чему учить своего старого ученика:

– Поверь, ты можешь оставить после себя намного больше, чем тебе кажется, что у тебя есть... И твои родители оставили намного больше, чем ты сейчас видишь... Вот, например, ты же знаешь, что хозяин этого кафе разрешает мне обедать здесь за счёт заведения, сколько мне будет угодно?

– Разумеется, дон Адриано.

– Но ведь никто не говорит почему именно. Все знают, что он мне благодарен, но не знают за что. А учитывая, что всё это настолько давно, то все считают это просто за данность. Как будто так и должно быть. А раз так должно быть, то и не важно почему. Тем более, что это никого не касается, кроме меня и семьи Кваттроки.

– Да, именно так... Но всё же я знаю, что когда-то Вы помогли сохранить это кафе его деду, Франческо Кваттроки. Первое, при Муссолини, у него закрыли и даже чуть не бросили в тюрьму. За то, что он был социалистом. В 44-м после высадки союзников, он открыл второе кафе в другом месте. И его тоже закрыли, утверждая, что он сотрудничал с фашистами... И затем он открыл третье кафе, которое тоже хотели закрыть, утверждая, что он работал на американцев... И, насколько я знаю, не без Вашей помощи, этого не произошло. Правда, никто не знает, что именно Вы тогда сказали властям...

– Я им сказал то, чего они больше всего боятся... Я при-

шёл тогда в новую администрацию... Меня приняли, видимо, потому что я учил истории детей этой администрации... Они сказали мне, что неизбежно закроют это кафе, потому что Кваттроки не должны открывать на Сицилии что бы то ни было. Потому что их имя запятнано, пусть и несправедливо... Они сказали, что Сицилия – не то место, где с испорченной репутацией можно иметь какое-то дело... А на это я им ответил, что, если администрация закроет очередное кафе Кваттроки, то они снова откроют новое кафе, а те, кто закрыл предыдущее, станут посмешищем. Как и фашисты, как и американцы, которые были здесь до этого, и которые также закрывали его кафе, не понимая, что нельзя идти против судьбы... А как ты понимаешь, посмешищем не хочет быть ни один политик... И боялись они этого настолько сильно, что видимо, не стали рисковать. Потому что они не стали трогать кафе Кваттроки... Осталось кафе «Среда». А до него у них было кафе «Вторник» и до него «Понедельник»... Когда-то, когда Франческо Кваттроки открывал первое кафе «Понедельник», он хорошо знал, на что идёт...

– Так и что же, раньше Вы приходили в кафе «Вторник» только по вторникам?

– Да. А до него в кафе «Понедельник» по понедельникам... – дон Адриано снова улыбнулся. – У Франческо буквально на лбу было написано, что ему придётся не сладко в этом деле. Но он всё равно на него решился. Тоже считал, что это его судьба... Удивительно даже, как это люди могут

настолько заранее чувствовать, что их ждёт...

– Хорошо, дон Адриано. Но всё же, мои прародители тут причём?

– Ты видишь память о фамилии. В данном случае Кваттроки. И все, кто знает эту фамилию, знают, что у них есть кафе, которое будет работать непременно. Во что бы то ни стало будет работать, даже если власти хотят сделать иначе... Пойми правильно, Фабио. Ты сейчас хочешь оставить память своему сыну. Но твой сын ведь тоже не бессмертный. Когда-то умрёт и он. А потом умрут и его дети. И даже если они будут помнить тебя, то уж вряд ли будут помнить твоих прародителей... Помнят три-четыре колена... Но то помнят людей. А вот фамилию можно помнить намного дольше... Вот сам подумай, сколько ещё люди будут помнить фамилию Кваттроки?

– Да я понимаю... Но у них есть семейное дело. Не открывать же теперь каждому своё кафе? – Фабио не до конца понимал, к чему клонит учитель, и иногда он даже выдавал такое выражение лица, словно зря он вообще пришёл сюда с этими вопросами.

– У каждой фамилии может быть семейное дело. Так же как и у каждого человека может быть личное дело, которое намного весомее семейного. Из-за которого его будут помнить ещё долго. Весь вопрос только в том, насколько долго ты хочешь, чтобы тебя или твоих родных помнили. Есть у тебя ответ на этот вопрос? Сколько это должно быть? Два-

дцать лет? Сто лет? Тысяча лет? Когда ты бы согласился с тем, что очередное поколение тебя имеет право забыть?

Фабио смотрел на учителя и понимал, что у него нет ответа на этот вопрос. Хочется вечность, конечно. Хочется, чтобы всегда помнили. Всегда ходили на могилу, протирали плиты, мыли кресты, удаляли сорняки и сажали новые цветы. В его глазах виделось именно это, но даже сейчас ему было понятно, что это невозможно.

– Мне нужно подумать, дон Адриано. – Фабио слегка поклонился, встал из-за стола и направился к выходу.

Капореджиме

Вечером того же дня у Фабио Сальтаформаджо была назначена встреча с одним из бизнесменов Сальваторе Матерацци, что платил хорошие деньги его клану. Он платил им давно и сейчас хотел обсудить детали того, в каком ключе это должно происходить дальше. Ведь времена меняются, как он сказал, хоть и дружба может оставаться вечной.

Фабио заявился прямым ходом в его офис: небольшое здание возле самого моря. И Матерацци когда-то объяснял это необходимостью видеть волны, шум прибоя и понимать, что когда-то здесь были большие войны греков, римлян и много ещё кого. А теперь весь шум, что есть – это только шум прибоя и дуновение ветра. Что значит самое время для хороших и добротных дел.

– Дон Фабио, Вы знаете, что я уже больше тридцати лет веду с Вами дела... Я исправно делаю взносы. Рассказываю вам то, что знаю... Словом, я тот человек, что очень дорожит дружбой с Вами...

Этот тип был скользким. Сколько Фабио знал его, он всегда был таким... Есть люди, которые показывают, что не хотят платить, но платят, потому что понимают, что у них нет выбора. Есть те, кто платит кому-то другому, потому что считает, что там придётся платить меньше. Есть те, кто вообще никому не хочет платить и, поняв все реалии, просто

уезжает в другое место, и вполне возможно, что там никому и не платит... Но этот тип был самым бестолковым из всех. Он считал, что ему сделают скидку за то, что он раздаст парочку комплиментов или сделает вид, что платежи доставляют ему удовольствие... Глупость это. Никому платежи не доставляют удовольствия. Никакие. За кого ты ни плати, а всё равно тебе будет казаться, что это много или что и без этого вполне можно было бы обойтись... Единственный кому ты готов платить без вопросов – это ты сам. И каждый, кто скажет обратно, тот просто что-то утаивает. Он что-то покупает, а называет это другими словами... И самое главное, что нельзя делать вид, что ты с удовольствием отдаёшь деньги туда, куда не хочешь отдавать... Это лишь вызывает подозрения...

– Господин Матерацци. У нас очень простое отношение к дружбе. Если человек нам друг, то он друг. Если нет, то нет... Он не может быть хорошим или не очень хорошим другом, потому что это бы уничтожило само понятие слова «дружба»... Либо друг, либо нет... И уж если этот кто-то друг, то он точно будет дорожить дружбой с нами.

– Я лишь хотел сказать, дон Фабио... – Матерацци замахал ладонями, будто бы отнекиваясь от своих предыдущих слов. – Что у меня сейчас нелёгкие времена... Я бы хотел... Понимаете, для бизнеса это просто скидка. Знаете, даже налоговая и то предоставляет налоговые каникулы в определённых случаях...

– Вы хотите сказать, что мы не знаем, как идут Ваши дела?

Матерацци снова замахал руками и снова стал отнекиваться от своих предыдущих слов. Похоже для него это было обычным делом. Понимать слова как ветер и не более того. Когда-то Фабио думал, что таких будет попадаться большинство, но, как ни странно, их было не так много, правда, при этом говорили они практически одно и то же. В какой-то момент ему даже стало казаться, что они созваниваются друг с другом и делятся неудачным опытом, чтобы потом позлорадствовать над своим коллегой.

И, главное, ему сейчас вспомнился тот момент, когда он сказал родителям, что принял Омерту, что с определённого дня он стал членом семьи... О таких вещах в Коза Ностре не принято было говорить никому, кроме тех, кто в деле. Кроме тех, кто сам является членом какой-то из семей. Поэтому Фабио лишь намекнул своим родителям. В тот день он сказал, что теперь любой вопрос, который у них возникнет, он сможет решить «деньгами или каким-то иным способом, если таковой потребуется». Так и сказал. И, разумеется, они всё поняли.

Тогда мать просто промолчала, а отец сказал, что в любом случае будет гордиться своим сыном, потому что знает, что его сын будет идти до конца в том деле, которому решил посвятить свою жизнь. Это были очень тяжёлые слова, и ещё тяжелее они были для его отца, который всю свою жизнь прожил, не имея никаких контактов с мафией. Он даже от-

казался от своей маленькой плантации апельсинов, потому что знал, что любая плантация цитрусовых на Сицилии будет неизбежно связана с мафией, как это было ещё в древние времена. Он просто не хотел, чтобы его руки как-то были связаны с миром, который казался ему неправильным, а в итоге его собственный сын стал частью его.

Тогда Фабио решил, что отцу просто больше нечего сказать на это. Но теперь он понимал, что отец всё вложил в эти слова – «будет всегда гордиться сыном, потому что он будет верен тому, чему решил посвятить свою жизнь...» Ключевое слово здесь было «жизнь». Он очень хотел, чтобы его сын всё же прожил долгую жизнь, и чтобы ему было потом что вспомнить, и чему учить уже своих детей, а может быть и внуков... Удивительно только, почему такие ответы приходят намного позже того, как следовало бы их знать. Вообще закладывался ли смысл в то, чтобы знать его заранее? Или обязательно надо дождаться, пока человек умрёт, чтобы начать по-другому смотреть на его слова?

Ведь тогда он был просто отец. Тот самый отец, которого видишь, когда захочешь. Когда хочешь, приходишь в гости, и даже и уходишь-то тоже, когда хочешь. И смотришь на него на обычного человека, которого просто знаешь. А потом, когда он умирает, то понимаешь, что это не просто человек, которого ты хорошо знаешь, а может быть и любишь. Понимаешь, что этот человек был частью тебя, уже только, потому что его видение на тебя было у него как данность, кото-

рую не отнимешь. А ты не хотел терять эту данность, потому совершенно не замечал... Пока его не стало... Тогда ты начинаешь замечать то, на что раньше закрывал глаза. Начинаешь разглядывать это, находить что-то новое, настолько новое, что в какой-то момент начинаешь считать это главным.

Гордиться сыном, потому что он будет верен тому, чему посвятит жизнь, лишь означало желать долгой жизни своему сыну. Чтобы тот путь, который он для себя избрал, оказался для него долгим. Чтобы было, что рассказывать... И раз есть, что и кому рассказывать, то значит пожил ты достаточно.

И что из этого оставить для своего собственного сына? Что оставить для Чезаре? Он ведь сейчас тоже не поймёт смысл. Он будет думать над нотами у своего фортепиано и не более того. Сейчас для него жизнь имеет очень чёткий и совершенно иной смысл, и ни слова, ни действия отца не смогут ни на что повлиять.

Это было видно ещё на похоронах его деда и бабушки. Он приехал из Москвы почти сразу и был готов проводить на службах столько времени, сколько понадобится. Но все его мысли были о другом – все его мысли были о музыке, фортепиано и Москве, в которой его всему этому обучали. Оно и понятно: возраст, устремления. Всё это накладывает свой отпечаток, кем бы ни был человек в прошлом, и повлиять на это сколь-нибудь сильно не получится. Там он предоставлен сам себе, и там он мечтает о своём успешном будущем, а не о том, что находится у него за спиной.

Чезаре, по всей видимости, суждено прийти к тому же, к чему пришёл его отец. Также ничего не знать о его прошлом и прошлом его родных. Тем более уж о прошлом своего отца, раз уж оно связано с Коза Нострой. Ну хоть это он будет знать точно.

Фабио вышел из здания, в котором он только что двадцать минут выслушивал Матерацци, а затем закончил всё небольшой репликой «Мы всегда поможет, когда наступит беда. Но просить помощи, когда всё идёт хорошо, не стоит». Он ведь знал, насколько хорошо у него идут дела, и что все свои скидки он просит, чтобы просто побольше инвестировать. Теперь он будет задерживать зарплаты своим служащим. И опять эти служащие обратятся к Коза Ностре, и опять придётся приходить и выдавать новый штраф, возможно, намного более грозный, чем предыдущий. Как ни странно, но некоторым людям и правда лучше раздавать штрафы постфактум, за содеянное, чем выносить предупреждения заранее. Так их мозг лучше воспринимает данность.

Иногда даже поражало насколько люди любят доводить всё до крайней точки. Причём, чем больше возможностей у них этого избежать, тем более явно они этой точки достигнут. Стоить дать человеку всего один шанс сделать всё, как надо, и он им воспользуется, а вот если этих шансов множество, то он обязательно пропустит их все. Такова человеческая натура, и грех на это жаловаться... Потому Фабио в очередной раз лишь намекнул на грозящие меры, не прини-

мая их ни на грамм. Когда Матерацци снова заплатит за свою ошибку, он в очередной раз поймёт, что стоит поосторожнее принимать свои решения: это сэкономит и его бизнес и рабочие места, которые он организует.

Жизнь всё же очень несправедлива. Столько вещей происходит не так, как было бы удобнее даже не всем, а прямо скажем – большинству. Но, что стоит принять за данность, так это то, что правила всё равно существуют. Даже, если они не устраивают, они всё равно существуют, и чем лучше их знаешь, тем ближе к тебе та самая справедливость, которой тебе не хватает.

Те улочки, по которым сейчас двигался Фабио были ему родными настолько, что он не воспринимал их даже как что-то красивое. Хотя сюда приезжали туристы, фотографировались на их фоне, поражались архитектуре даже обычных домов. Для Фабио, как и для большинства сицилианцев, это являлось чем-то обычным... Ему даже довелось слышать, что вообще во всей Италии у людей настолько хорошо изначально сложен вкус и видение прекрасного, что они уже не в состоянии изображать или создавать что-то некрасиво. Они родились и выросли там, где правильные черты присутствуют везде, а потому это стало для них данностью.

– А что если завтра Чезаре придёт и скажет то же, что и я когда-то своим родителям? Что, теперь он «сможет решить любой вопрос»? – подумал Фабио и остановился прямо посередине дороги. Что если Чезаре станет членом, например,

другой мафиозной семьи? Разумеется, это невозможно, учитывая то, чем он сейчас занимается. Да и не в его духе подобное. Но, как бы это выглядело, если бы стало таковым?

Очевидно, что это было бы настолько же неожиданно, как и для его деда с бабушкой, переживших в своё время похожее потрясение. Но, что самое главное, Фабио почувствовал то же, что, видимо, когда-то чувствовал его отец. Он был готов принять это. Как бы ни было это тяжело, но он видел в себе все силы, готовые принять новую данность, как постоянную. И всё с тем же смыслом – лишь бы ты сохранял себе жизнь. Долгую жизнь, о которой ты сможешь потом рассказывать своим детям, а ещё лучше внукам.

И почему он не задумывался об это раньше? Ведь Чезаре уже двадцать два года, а он никогда не думал о том, что так важно быть на его стороне. Так же как его отец был всегда на его стороне. Несмотря на всё, что только окружало Фабио, его отец был всегда «За», был всегда согласен с его решением, и говорил, что будет всегда гордиться им... До чего же это тяжёлые слова, особенно когда понимаешь, что твой сын занимается чем-то опасным каждый день. Но ведь он понимал, что это добровольный выбор его сына, а значит единственное, чем он может помочь, так это поддержать этот выбор, потому что всё остальное лишь ослабит его...

Фабио попытался представить, что было бы у него в голове, если бы он тогда слышал от отца что-то другое. Если бы тот стал понукать, осуждать его решение. Если бы отстра-

нился... Где-то внутри что-то гроыхнуло, и Фабио тут же перестал пытаться себе такое представить. А ведь об этом он тоже не думал, когда принимал Омерту. Он вообще не думал о том, что есть ещё какие-то мнения, кроме его собственно-го... От этого ему стало горестно. Ведь он только что наконец оценил, насколько трудное и правильное было когда-то решение у его родителей – принять всё то, что делал их сын. Принять всё таким, каким оно уже стало, лишь бы остаться на его стороне.

А ведь сам он тогда радовался буквально как ребёнок, что его приняли в семью. Что теперь он настоящий солдат, что теперь у него есть пушка, честь и brave ребята рядом. Как ему нравилось тогда, что можно работать в команде. Что ты не просто что-то делаешь правильное или нет, а что ты делаешь это в команде. И что тебя могут подстраховаться, могут помочь, а могут даже и спасти... И это не дурацкие бандиты как в голливудских фильмах, где все друг друга норовят подставить, лишь бы подвернулась возможность. Это семья, которая будет с тобой, которая всегда с тобой, пока ты с ней... Да есть и обратная сторона всего этого. Обратной дороги нет... Но вот многие ли задумывались над тем, что не было это братство настолько крепким, если бы из него можно было выйти.

Люди вообще много говорят. Кто-то завидует. Кто-то ненавидит. Фабио ещё с самого начала видел в основном такие черты в людях, когда обращал на себя внимание. Люди

руководит страх, они просто боятся. И будут бояться до тех пор, пока не покажешь себя в деле. А главное дело – это сохранять всё в спокойствии. Мало кто хочет принимать это за данность, но мафия первой заинтересована в том, чтобы всё кругом было тихо и спокойно. Чтобы никто и нигде ничем не мешал. Чтобы всё шло своим чередом. Вот, что нужно мафии... Потому что когда всё идёт своим чередом, то и вмешиваться никуда не приходится, и все меньше обращают внимание. А мафия очень не любит внимание к себе.

Фабио вышел к набережной. Его сразу обдул ветер. Отсюда простирался вид на бухту. Когда-то было сказание о том, как Архимед изобрёл зеркальные щиты, которые направили на приближающийся вражеский флот и спалили его дотла лучами Солнца... Забавная, конечно, сказка. Если б такое было правдой, то мы до сих пор бы сжигали друг друга, а не одни только корабли... Но ведь многие верят в это. И рассказывают друг другу иногда даже на полном серьёзе. Мол тогда были другие технологии, и такое было возможно. Или ещё что-то в этом роде...

Вот и отец тоже рассказывал это. Рассказывал ещё маленькому Фабио, когда они прогуливались здесь. И ветер дул точно также. И в бухте также плескались волны. И можно было не сомневаться, что во времена тех далёких событий, уж какими бы они ни были, но и ветер и волны были такими же... И вот теперь его отца нет. А ещё лет, в лучшем случае, через 30-40 не будет его самого. И не останется ничего ни от

него, ни от его отца, а его сын Чезаре Сальтоформаджо будет играть на фортепиано на каком-нибудь австрийском балу, ничего не зная о своих предках.

Фабио стало грустно от этих мыслей. Всё же должен был быть вариант, который бы сделал всё это не таким безысходным. Похоже, что его учитель дал верный подход к нему, но путь к нему виделся отнюдь не лёгким.

Он спросил, насколько долго его и его родных должны помнить потомки. И ответ на этот вопрос не может выражаться в чём-то конкретном. Это не может быть год или сто лет. Даже если кому-то хочется, чтобы его помнили, например, тысячу лет, то это не более чем его амбициозное желание. Он сам в реальности даже не сможет посчитать, кем ему в этом случае будет приходиться этот человек. Пра-пра-кем? Дело ж ведь точно не в этих «пра», иначе бы кто-нибудь да уже давно нарисовал бы таблицу, и все сидели бы и разглядывали её рядом с пирамидой очереди наследования.

Ответ должен быть где-то в них. В тех, кто будет помнить. И, может быть, за что помнить. И, видимо, главная разница в том, будут ли родные помнить его дольше, чем все остальные. Вот, например, Юлия Цезаря помнят до сих пор, но вряд ли найдётся хоть кто-то, кто сможет точно, твёрдо и уверенно сказать, что он является его прямым потомком. И это есть не семейное дело – это дело общественное. Когда человек, по сути, отдал себя всем: государству, обществу. Кому угодно, а родным не оставил, как бы обидно это ни звучало.

Значит надо мыслить чем-то, что не так далеко во времени. А тем, где есть люди, которые помнят друг друга. В этой связи Чезаре знает даже больше, ведь он знает своих деда и бабушку, а вот Фабио своих не знает... И ведь никогда особо и не хотел знать. Он сам не спрашивал, а отец не рассказывал, кем они были. И тогда это казалось нормальным. Нормальным, пока не умерли те, кто это помнил.

И вот теперь бы спросить у своих деда с бабушкой, довольны ли они, что про них вспомнили тогда, когда стало невозможно что-то нормально узнать? Гнусная мысль. И уж явно без какого-то просвета. Осталось тогда ответить на вопрос, доволен ли будет Фабио, когда его внуки после смерти Чезаре спросят хоть что-то про своего деда.

Фабио начал понимать, что заходит в тупик. Он попросил у своего учителя время подумать, а до чего-то дельного всё же не дошёл. То, что ему хотя бы удалось отделить личное от общественного, конечно, хорошо, но это не приблизило его к истине ни на шаг... Ему нужно оставить что-то своему сыну, что тот захочет сохранить. И ещё лучше, если захочет передавать после себя. А ничего такого у Фабио Сальтоформаджо кроме фамилии нет.

Он посмотрел ещё на прибор. Ощутил ещё дуновение ветра. И снова двинулся в сторону кафе «Среда».

Когда он вернулся в кафе, там уже было, хоть и номинально, но закрыто. Внутри всё было тусклое, освещаемое лишь

двумя лампочками в самом конце зала. Лишь Амадео Кваттроки протирал стаканы, стоя за барной стойкой. Пока он находился в кафе, у него всегда была открыта дверь, даже если на дворе уже была полная ночь. Он всегда улыбался новому посетителю, даже если посетитель был совершенно не вовремя. Так он улыбнулся и Фабио.

– Дон Фабио. Рад снова видеть Вас. – Амадео продолжал тереть стакан, иногда поглядывая на него, а потом возвращая свой взгляд на гостя.

– Взаимно, Амадео. Взаимно. – Фабио присел на барный стул и аккуратно положил руки перед собой. – Скажи мне... Много ли ты помнишь из истории своего отца или деда, что связано с этим кафе?

– Конечно... И с этим кафе. И с тем кафе, что было него. И с тем, что было ещё раньше. Про кафе «Понедельник» мне всё рассказывал дед. А про кафе «Вторник» – мой отец... Мне кажется, что я знаю всё, что касалось тех событий, потому что они жили этими событиями. Всё, что происходило в их жизни, если было весомо, то обязательно было связано с кафе... И когда я перенял в управление «Среду», то единственная мысль, что была у меня, так это то, что в случае чего я обязательно открою и четвёртое кафе... Об это не просили ни дед, ни отец... Но я видел, что для них это значит. Что значит сохранять то, что считаешь своим, даже если это отбирают... Нужно создавать новое... Создавать новое, а не ложиться костями за старое. Думаю, потому у них получа-

лось сохранить себе и жизнь, и кафе. Они не держались за то, что неизбежно отнимут, понимая, что судьба такая, чтоб они имели своё кафе...

– Интересная мысль... Не держаться за старое... И ты полагаешь, что меньше сил тратится на то, чтобы построить новое, нежели сохранять старое?

– Если старое отбирают, то да... В этом сомнений у меня нет, дон Фабио... Судьба любит, когда играют по её правилам и никак иначе... Мои дед и отец играли по её правилам, и они выиграли. У меня нет сомнений, что потеря двух предыдущих кафе и создание третьего есть нечто иное как победа, а не поражение со счётом два-один.

– То что при этом они ещё и остались в живых?

– Да. Остались в живых. И потому и смогли ещё что-то открыть... А начини дед бороться ещё тогда с фашистами за то, чтобы оставить себе своё, так и повесили бы его не стесняясь. А так, он создал новое. И передал это новое моему отцу, помогая ему потом открывать третье кафе... Мне уже досталось самое простое...

– Разве тебе что-то ещё осталось делать? Теперь-то у тебя уж точно никто ничего не отнимет. – Фабио было даже интересно, что теперь ответит его собеседник, полагая, что времена уже совсем не те, что были при Муссолини или операции «Хаски».

– Скорее всего, нет, дон Фабио... Но это лишь «скорее всего». Та память, что есть у меня, говорит, что я всегда дол-

жен помнить, что надо двигаться вперёд. Можно даже назвать это девизом семьи... Пока я так думаю, я спокоен. Я считаю, что всё делаю правильно. И, мало того, я уверен, что и отец, и дед гордятся мной, потому что они делали точно также и оставили это мне... Оставили после себя взгляд на жизнь. И именно это у меня никто не отнимет. А кафе – это уже лишь следствие... Думаю, для моего деда изначально всё дело было вовсе не в кафе как таковом. Ему хотелось доказать всем, что он прав, а не другие. Что судьба на его стороне... И это одна из причин, почему у меня всегда есть комплимент от заведения для каждого гостя, будь он бедный или богатый. Род Кваттроки счастлив от того, что судьба на его стороне.

По его глазам было видно, насколько тяжело ему даётся этот разговор. Прежде всего из-за того, с кем именно он разговаривает. С капо одной из семей Коза Ностры. С тем, кто мог бы, будь на то желание, без малейших вопросов подмять под себя любое его дело. И вместе с тем, с Кваттроки, действительно, никто не брал ни одного евро. Даже более того, начни кто-то это делать, и это вызвало бы грандиозное непонимание со стороны всего города.

– Понимаю тебя... Понимаю... – Фабио погладил немного свой подбородок. – А что ты думаешь о моих родителях? Никто не знает, чем они занимались до того, как приехали сюда. Никто не знает ни их прошлого, ни прошлого их родителей. Что ты думаешь об этом?

– Кто ж будет интересоваться Вашими родителями, дон Фабио?

Эти слова прогремели словно гром. Действительно, какой дурак полезет с вопросами о родителях одного из капо? Но ведь капо он стал много позже того, как они сюда приехали. Хоть это и было очень давно. Но память сама по себе не исчезает.

– Допустим ты прав, что никто не будет это делать, когда я уже стал тем, кем стал... Но ведь люди знали их и до этого. Ты что же хочешь мне сказать, что они забыли это?

– Я хочу сказать, дон Фабио, что страх иногда делает удивительные вещи... Ведь Вы уже давно являетесь тем, кем являетесь. Люди живут своей жизнью. Проблемы им не нужны. Помнить что-то часто сложнее, чем забыть... А Ваши родители ведь плохого никому не делали. Так, к чему помнить что-то про них? Себе же проще забыть... И безопаснее.

Фабио много раз думал о том, как скажется для его родных тот факт, что он является капореджиме. Но он всегда думал в первую очередь о том, что они будут в безопасности. У них не будет никаких проблем, и их старость обеспечена. Вот о чём он всегда думал... Но обратная сторона этого была не столь благодарной... Коза Ностра слишком большая сила. Такая сила, с которой не захотят связываться, если есть такая возможность. И даже более того – будут сторониться, уж просто на всякий случай. А сторониться Коза Ностры означает то же, что и сторониться всего, что с ней связано... И

хоть его родители были связаны с ней всего лишь родством с ним лично, этого оказалось достаточно.

А ведь они никогда не жаловались ни на что похожее. Мать иногда спрашивала его, не натворил ли он чего такого, за что бы ей было стыдно, а он всегда отвечал, что даже те поступки, которые не всем понравятся, никогда не будут такими, что за них можно будет стыдиться. Фабио ни разу не подумал, что она так может спрашивать, из-за того, что люди начали по-другому относиться именно к ней... Он тогда это «по-другому» предполагал лишь с хорошей стороны, лишь с той, которую он подразумевал всегда в первую очередь – безопасность и достаток... С этим у них не могло быть проблем... Собственно, может быть, причина как раз в том, что слово «проблема» как таковое вообще потеряло для них смысл? Может быть, из-за этого и память про них стала чем-то другим?

– Безопаснее... Это ты прав. Безопасность буквально окутала их жизнь со всех сторон... Но, а ты ведь сам? Ты же живёшь немного по другим правилам. Если ты не боишься, что у тебя могут отнять самое ценное, так тебе-то зачем забывать?

– У меня и правда не было причин забывать что-то про них, потому что у меня есть своё дело. Но в том-то и проблема, что это дела берёт всё, что может из меня. Оно берёт всю мою жизнь... И ведь я тоже ничего толком не знаю про своих родителей, про своего деда и бабушку. Ничего, что не

касалось бы кафе.

– Но ты хотя бы знаешь их имена. Имя твоего деда все знают. И все знают, что Франческо Кваттроки имел кафе «Понедельник», а затем и «Вторник», которое он передал своему сыну Луке Кваттроки.

– Да, всё верно. Имена их все знают. И знают про его дело. Но, как Вы видите, это снова касается кафе. Потому что и я знаю... А какие они были люди внутри, я не знаю толком. Я помню, что отец любил чай с молоком по утрам. Он всё время пил сразу как только встал. Первым делом. Иногда он смотрел футбол. Раз или два в месяц. И это всё, дон Фабио... Это, по сути, всё, что я знаю о нём личного. Я смог перечислить это в паре предложений... Зато вот, где он что когда прикрутил и починил в кафе «Вторник», я знаю досконально. Как он получал чистый убыток два месяца подряд после открытия. Как он выбирал скатерти для столов и отмерял высоту каждого столика. Как он подбирал лампочки для настольных светильников и как отмерял длину проводов для них. Как он читал молитву перед тем, как каждый раз закрыть входную дверь в кафе... Я знаю этих фактов множество и каждый раз вспоминаю о них, когда мне приходится делать что-то похожее... Но ведь это не он. Это всё, что касается его дела. Самого его я очень плохо знаю.

И то правда. Фабио посчитал, что всё это чистая правда, именно такая, какая она есть на самом деле, а не такая, какой бы её кто-то хотел видеть... Память о Кваттроки съело

их дело, а память о его родителях и прародителях съело его собственное дело. И почему никто не задаёт эти вопросы, когда ещё можно спросить? Пока ещё человек не умер? Всё это появляется и встаёт на дыбы тогда, когда уже поздно. Когда уже ничего не вернёшь.

Фабио посмотрел чуть в сторону, увидел стоящую на стойке бутылку кетчупа и вспомнил, как его отец однажды увидел кровь на манжете его рубашки. Несколько небольших красных пятнышек, которые при желании можно было принять и за кетчуп, но кетчуп такими каплями не разливается. Уж не говоря про то, что Фабио никогда кетчуп и не любил.

Отец спросил тогда, сделал бы его сын снова тоже самое, если бы предоставилась вторая возможность. И Фабио ответил «Да». Ведь это «Да» существовало в том числе и из-за его родителей... Тогда он узнал, что один из электриков, обслуживающий несколько домов, где проживали в основном старики, во время работ специально делал ремонт так, чтобы спустя пару недель всё ломалось заново, с куда более серьёзными последствиями уже не только для данной квартиры, но и для всего этажа. Затем он заявлялся снова и говорил о том, что в связи с тяжёлой поломкой, которая произошла по вине этих стариков, и которая привела к проблемам на всём этаже, ему надо сделать куда более масштабный ремонт, за который придётся прилично заплатить. Так он паразитировал полтора года, пока об этом не узнал один из солдат Коза Ностры. По первому разу этому мошеннику сделали преду-

прежде и обязали вернуть деньги тем, кого он обманул. Но спустя несколько дней выяснилось, что он просто сменил район... Фабио тогда застрелил его лично. Глядя в глаза и назвав «тараканом». Да, он бы застрелил его ещё раз, если бы пришлось делать этот выбор ещё раз, потому что подобные люди не способны исправиться.

Да и трудно себе представить, что человек, орудующий на подконтрольной Коза Ностре территории, способен понимать какие-то предупреждения. Он и так уже знает, во что ввязался. И так уже понимает, что избежать наказания у него не получится. И всё равно идёт и делает это... Тогда один из солдат сказал, что, может быть, этот жулик просто посчитал, что Коза Ностра не будет считать подобное своим делом. И что предупреждение вполне может сработать... Оказалось, конечно, что дело просто в самом жулике. Он, очевидно, не просто зарабатывал таким образом деньги, а ещё и получал удовольствие от какого-то своего превосходства над людьми, чувствовал, что может заставить их что-то сделать. Такие люди не думают о собственной безопасности или о том, что когда-то их настигнет кара. Они просто не могут жить без этого. Не могут жить без чувства, что имеют над кем-то власть хоть и бы и всего лишь в какой-то короткий момент времени... И стариков, видимо, он выбирал именно с точки зрения того, что с ними подобное будет происходить много проще, чем со всеми остальными. Какая тут может быть речь про какой-то второй шанс? Надо было сразу его

прикончить, а не устраивать эксперименты.

– И каково тебе сейчас? Твой отец умер сколько? Восемь-девять лет назад?

– Восемь с половиной.

– Восемь с половиной. Каково тебе после восьми с половиной лет, что ты понимаешь, что ничего не узнаешь уже? Никогда не узнаешь о них лучше, чем сейчас.

– Так же. И по-другому одновременно... Это сложно описать, но я точно могу сказать, что мне стало легче. И это пришло как-то само... Начало складываться со временем, а потом я смог сказать сам себе, что всё так, как должно быть... Наверно, поэтому я не могу точно сказать, сколько на это ушло времени. Вроде кажется, что год, а вроде и несколько лет... Я ведь всё время вижу их в этом кафе. Смотрю на что-то и вижу рядом. Как они что-то делают. Поправляют, ставят на место. Что-то говорят... Со временем для меня это стало новой реальностью, где я вижу их, но делаю всё сам. Вначале мне было грустно, но теперь... Теперь мне кажется, что это просто время. Время берёт своё, ему не откажешь. И оно просто забрало их, потому что пришло.

– Да... Забрало, потому что пришло... Как и моих... – Фабио подумал о том, что в отличие от Кваттроки, у него нет единого дела со своими предками, и ему не получится таким же способом выкрутиться из этой ситуации. Но, с другой стороны, ему стало легче хотя бы от того, что у кого-то получилось справиться с проблемой, подобной той, что те-

перь есть у него. Фабио приподнялся, поправил края пиджака и сказал:

– Увидимся в следующую среду.

Пелагатти

Бернардо Пелагатти (фамилия означает «лишать шерсти кошек» – примечание автора) был одним из капореджиме Каморры, и вместе с тем большим другом Фабио Сальтаформаджо. Причём эта дружба выросла с некогда взаимовыгодного сотрудничества, а со временем стала чем-то больше похожим на братство. В самих кланах на это смотрели как на что-то естественное – раз у кланов нет противоречий друг с другом, то и членам этих кланов ничего не мешает быть в хороших отношениях... Но Бернардо в отличие от Фабио родился сиротой и, возможно, это было одной из причин, почему ему показалось чересчур важным приехать после известия о смерти родителей Фабио к нему в гости.

Владимир Андерсон
HomoLudus

На Сицилии Бернардо не было уже несколько лет. И не

то, чтобы ему было не по себе, но осознание того, что это чужая территория, заставляло чувствовать себя совершенно иначе. Единственное, о чём он думал постоянно, так это о том, что он приехал к другу в трудные времена... А для этого, разумеется, надо было спросить разрешения. Нельзя приехать на Сицилию без спроса. Это турист может приехать, посмотреть и уехать. А человек, который занимается делом на Сицилии должен сказать об этом и услышать в ответ, что его будут рады видеть. По-другому лучше не делать. В Неаполе было совсем не так. Там у Каморры было весомое влияние, но давать запрет на высоком уровне на посещение своего города фактической возможности не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.